

Опочецкий краевед

Издание краеведческого клуба «Отчий дом»
при Опочецком краеведческом музее

№ 6

Июнь

2020

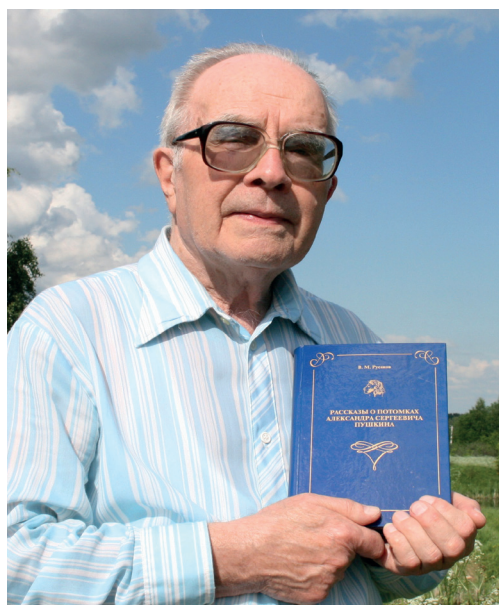
■ К дню рождения А.С. Пушкина

Историограф пушкинского рода

В начале июня на Псковщине традиционно вспоминают великого русского поэта А.С. Пушкина, день рождения которого по новому стилю приходится на 6 число (по н. ст.) первого летнего месяца. Праздники проходят не только в Пушкинских Горах. Работники культуры Опочецкого района по мере возможности тоже вносят свою лепту в проведение пушкинских дней. Тем более что Пушкин в Опочке, конечно же, бывал, хотя в его дневниках об этом никаких упоминаний нет (так же как и об опочецких знакомых поэта), а в стихах название нашего города встречается лишь единожды («Признание», 1826 г.).

Тем не менее Опочка может гордиться своим вкладом в пушкинскую историю. На её земле родился и много лет прожил **Виктор Михайлович РУСАКОВ** (1927–2011), посвятивший свою 50-летнюю исследовательскую и творческую деятельность потомкам великого поэта.

В 2010 г. вышла последняя книга Виктора Михайловича на эту тему, уже десятая, — «Избранные рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина». Приложенная к ней родословная роспись даёт некоторое представление о масштабах проделанной

исследователем работы. В ней учтено 8 поколений пушкинских потомков в количестве 357 человек. Многие из них живут в других странах — Франции, Англии, Германии, Швейцарии, США (в т.ч. на Гавайях) и т.д.

Только благодаря трудам Русакова смог состояться 1-й Всемирный съезд потомков Пушкина, проходивший в Москве 3–7 июня 2009 г., на котором видеоприветствие Виктора Михайловича участники форума встретили бурными аплодисментами.

А потому опочецким краеведам, рассказывая о Пушкине и Опочке, нельзя обходить вниманием дом № 11 на ул. Автозаводской, где до своих последних дней жил В.М. Русаков, и его могилу на Покровском кладбище, куда, между прочим, приезжают экскурсанты из Михайловского, чтобы почтить память писателя-пушкиноведа.

На торце этого дома к 90-летию В.М. Русакова появилась (заботами клуба «Отчий дом») мемориальная доска, на открытие которой 8 мая 2017 г. приезжал московский прапраправнук поэта Андрей Александрович Кологривов. А летом 2016 г. цветы на могилу пушкиноведа возложил троюродный брат Кологривова — Михаил Владимирович Воронцов-Вельяминов, гражданин Франции.

В этом выпуске:

Сказки пушкинских мест. Странник	2
Так где же был Пушкин в Опочке?.. Гипотеза	3
Материалы к истории землевладений дворян Ломаковых в Опочецком уезде (Продолжение).....	4
Будни и праздники Лиды Белинской	6
Мы были у Сталина	8
Историограф пушкинского рода – о родном крае	11
Дятлы. Большой пёстрый, зелёный, трёхпалый, белоспинный	12

Из фондов российских архивов

Сказки пушкинских мест Странник

Продолжаем публикацию сказок, записанных в д. Высоцкое Опочецкого района в 1927 г.

Один странник ходил по миру и просил милостыню. Раз, когда он шел по дороге, к нему пристала кошка и шла все время мяукала. Страннику стало жаль её, и он взял кошку с собой. Потом к нему пристала собака. Странник сжалился над нею и позволил идти с собою.

Пришла ночь. Стал странник со своими четвероногими друзьями искать ночлег. Зашел он к одному купцу. Купец сказал, что у него нет места для ночлега. Странник стал проситься хоть в сарай.

— Я тебя пустил бы, — сказал купец, — но в сарае так много крыс, что они могут тебя загрызть.

Странник все просился в сарай и говорил, что совсем не боится крыс.

— Ну что же, я тебя предупредил, а там дело твое...

И пустил странника в сарай.

Утром купец пошел навестить странника, — боялся не загрызли ли его крысы. Видит странник, еще спит, а невдалеке лежит целая куча задавленных крыс. Вскоре странник проснулся. Купец показал на кучу мертвых крыс и спросил, что это значит?

— А это работа моих спутников: собаки и кошки.

Купцу очень хотелось избавиться от крыс, и он настойчиво просил продать ему собаку и кошку. Но странник не соглашался.

Узнали другие купцы этого города и тоже начали просить странника продать собаку и кошку. Странник не соглашался продавать их ни за какие деньги и говорил, что это его друзья.

— Впрочем, — прибавил он, — если я соглашусь продать, то не иначе как за три корабля ладана за собаку и кошку.

Купцы согласились, уплатили ему три корабля ладана за собаку и кошку.

Странник сложил ладан в одну кучу и стал его жечь. Долго ему пришлось жечь его, но, наконец, дым дошел до Бога. Бог прислал к нему ангела с при-

казанием прекратить напрасную трату ладана. Но странник ответил, что он не прекратит жечь до тех пор, пока господь не пришлет ему чудесную дудочку.

На другой день прилетел другой ангел с тем же приказанием, но странник все продолжает жечь ладан.

На третий день опять явился ангел с приказанием прекратить жечь ладан и принес страннику чудесную дудочку.

Странник перестал жечь ладан, пошел наниматься в пастухи и нанялся к попу. Как только пастух заиграет в свою дудочку, то сейчас же корова начинает плясать.

Попадья заметила, что коровы приходят домой голодные и сказала об этом попу. Тот послал работницу посмотреть, как новый пастух пасет коров. Работница подошла к пастуху и увидела, что все стадо коров весело пляшет. Услышав дудочку, она тоже не утерпела и пустилась плясать.

Не дождавшись работницу, послал поп работника. Пришел работник к пастуху и видит: пастух играет в дудочку, коровы пляшут, работница пляшет; не утерпел и тоже пустился в пляс.

Не дождался поп работника и послал попадью узнать, в чем дело, почему их нет.

Пришла попадья в поле к пастуху, и что же она видит? Пастух играет, коровы пляшут, работница пляшет, работник пляшет...

Не утерпела и стала плясать со всеми. Ждал, ждал поп попадью, — не дождался, а узнать-то хочется, в чем тут дело. Пошел сам в поле. Приходит, и что же он видит: пастух играет в дудочку, коровы пляшут, работница пляшет, работник пляшет, попадья пляшет.

Не вытерпел поп и тоже пустился плясать и плясал долго, так что пот с него покатился градом.

Проезжал мимо один всадник и тот не утерпел и стал плясать вместе с ло-

шадью, так что брюки протер о седло.

Наконец, поп крикнул пастуху, чтобы он перестал играть.

Пастух прекратил игру, и все плясуньи остановились.

Поп спросил у всадника, не знает ли он, что это за дудочка у пастуха; но всадник ответил, что совсем не понимает, в чем тут дело.

Тогда поп пошел жаловаться царю на своего пастуха.

А у этого царя была больная дочь. Она была всегда угрюмая, и никто никогда её не мог рассмешить, поэтому царь сказал:

— Пусть-ка этот пастух попробует рассмешить мою дочку. Если он сумеет это сделать, то я отдам её за него замуж.

Когда явился пастух с дудочкой, то поп и говорит:

— Царь, а царь! Прикажи меня привязать, а то мне не утерпеть.

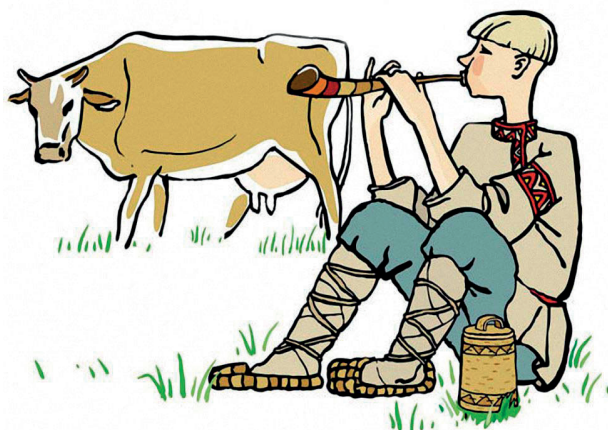
Тогда попу привязали к столбу.

Как только пастух заиграл в свою дудочку, то все тотчас же заплясали, а поп у столба начал ерзать и всю спину оцарапал!

Тут-то и рассмеялась дочь царя и закричала:

— Папенька, папенька, — а поп-то у столба, а поп-то у столба... Хи-хи-хи!

И пришлось царю отдать дочь замуж за пастуха-странника, да еще награждать его хорошенького...

Подготовил

Александр КОНДРАТЕНЯ

Гипотезы

Так где же был Пушкин в Опочке?..

Пушкин и Опочка – тема давняя и болезненная. Так был ли Пушкин в Опочке? Большинство опочан уверено: конечно, был! Не мог не быть! Как не вспомнить спор об этом в Интернете: «Вы что, совсем неграмотные? Об этом даже в школе детям говорят!» Аргумент неотразим, большинство оппонентов замолкает сразу и надолго. Так что, несомненно, Пушкин в Опочке был.

Но где же был Пушкин в Опочке?

Существует множество версий.

Наиболее распространено мнение, что он посещал дом Порозовых, так называемый дом губернатора Чернышёва. По другой версии, это был другой их дом, тот, который позднее стал богадельней – одноэтажное здание в конце улицы Красных командиров, на берегу р. Великой. Слышал я также мнение, что он посещал дом Шелковых на ул. Успенской (Калинина). Сочинена даже басня, что Александр Сергеевич гостил у Ивана Лапина, очень восхищавшегося им. Но вот незадача: сам Лапин пишет в своём дневнике, что видел Пушкина только издали на ярмарке и даже не заикается о личном с ним знакомстве.

В последнее время чаще всего фигурирует версия, что посещал Пушкин не кого-то конкретно, а просто ездил на Опочекскую почтовую станцию, непонятно только, зачем на почте фортепиано. Существуют и другие, еще более экзотические версии, о которых не стоит даже упоминать.

В массе своей опочане мало интересуются историей своего края. Заедают обыденные проблемы. Но что касается Пушкина, тут дело совсем другое. Пушкин – это наша гордость! Почти каждый имеет свою любимую версию посещения им нашего города. Пушкин в Опочке – все ещё актуально! Не хватило сил удержаться и у меня, чтобы не внести свои пять копеек.

Столь часто вспоминаемое стихотворение «Признание» датируется 1826 г., посвящено оно Александре Ивановне Осиповой, падчерице Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, впоследствии вышедшей замуж за псковского полицмейстера П.Н. Беклешова.

Очевидно, в стихотворении идет

речь о поездке Пушкина в Опочку не в одиночку. Не обладая достаточными знаниями, чтобы спорить с пушкинистами, поверим им в том, что поэт был очень демократичен и способен отправиться гости за 30 верст хоть к дворянину, хоть к купцу, или даже к простому крестьянину. Но с ним была двадцатилетняя барышня, девушка на выданье. Поэтому предположу, что цель далекого путешествия из Тригорского и Михайловского надо искать среди дворян, причем достаточно надежных и пользующихся авторитетом. Был ли такой человек в Опочке?

Наверно, на такую роль подходит Климентий Никифорович Россихин (Расихин), с 1808 г. проживавший в имении жены Святотечь. Генерал-майор, действительный статский советник, <...> одного из его сыновей крестила вдовствующая императрица Мария Федоровна. В 1812 г. избран псковским губернским предводителем дворянства. Человек, достойный доверия.

У Климентия Никифоровича была дочь, Надежда, 1799 г.р., кстати, ровесница Александра Сергеевича. В 1824 г. она обвенчалась с Никанором Павловичем Шелгуновым, помещиком с. Дериглазова, расположенного в непосредственном соседстве с Михайловским и Тригорским. Эта семья часто вспоминается пушкинистами, но в основном как соседи Пушкиных и Осиповых-Вульф в Вороничской волости. Между тем, их внучка Варвара Дмитриевна Лачина прямо указывает, что в Дериглазово семья приезжала для разнообразия только месяца на два-три, во время Святогорской ярмарки, а постоянно проживала «в своём другом имении Святотечах».

Вы возразите: Святотечь не Опочка. Но это как посмотреть. Сейчас деревня Святотечь находится метрах в пятистах от города, а имение располагалось намного ближе, почти на самой границе города. Если же посмотреть с расстояния в 30 верст, что же это, как не Опочка?

Знакомы ли были Расихин и Шелгуновы с Пушкиным? Таких упоминаний нет. А вот обитатели Тригорского были, несомненно, с ними в хороших

отношениях. В 1827 г. у молодой четы Шелгуновых родился сын Михаил, крестили его в Вороничской Воскресенской церкви, и восприемниками у младенца были «генерал Клементий Росихин и статская советница Прасковья Александровна, жена Осипова».

О знакомстве семьи Александра Сергеевича с Шелгуновыми есть поздние свидетельства – 1830-х гг. Павел Никанорович с Надеждой Климентьевной любили принимать гостей. Сергей Львович Пушкин описывает посещение их дома во время Святогорской ярмарки: «У Шелгуновых к обеду было пятьдесят человек, считая детей. Это хороший сюжет фламандской картины» (24.06.1834).

Для детей Шелгуновы пригласили в дом воспитателя-француза. Как писал отец поэта Сергей Львович дочери Ольге Сергеевне 27 сентября 1833 г.: «...Он один танцует балетные антре, разные соло, венгерки и матлоты под бурные аплодисменты всего общества, – это так смешно, что можно лопнуть со смеху, как бы мало к этому был расположен. Кроме того, он <...> в довершение своих достоинств как наставника – не знает ни одного языка – со всем тем одежда денди <...>. Самое удивительное, что все семейство видит, что он всего лишь канатный плясун, и держит его. Г-н Шелгунов в восторге, что имеет у себя на жалованье так называемого француза».

Несмотря на иронию С.Л. Пушкина, имение Святотечь было именно тем местом, которое мог посетить Александр Сергеевич со спутницей из Тригорского: здесь слышалась французская речь и вполне могло звучать «фортепиано вечером». Сейчас от имения ничего не осталось. Говорят, что еще можно разглядеть остатки усадебного парка. Но прогуливаясь там не увидите. Всею виной находящиеся рядом городские очистные сооружения, которые стали разваливаться раньше, чем было объявлено о завершении их строительства.

Но это не важно. Самое главное, каждый опочанин твердо знает – Пушкин в Опочке был!

Андрей НЕСТЕРОВ

Материалы к истории землевладений дворян Ломаковых в Опочечком уезде

Продолжение. Начало в № 3–5

По генеральному межеванию 1780-х гг. Марфа Петровна Валуева владеет в Опочечком уезде: селцом Наволок и селцом Федосово; деревнями Евгрисова, Лапатина а по званию Лапина, Манушкина, Плешкова деревня Тербенской губы Белоногово, а по крестьянскому званию Межево тож, Сидорова деревня Бурлова тож; пустошами Никонова и Филневой Астарнова Рогова тож.

Алексей Степанович и Марфа Петровна имели четыре сына и шесть дочерей. Их дочь Дарья Алексеевна была замужем за генералом Иваном Петровичем Кульневым, братом генерала Якова Кульнева, погибшего в 1812 г. в битве под Клястицами, первым из русских генералов. <...>

Дарья Алексеевна Кульнева скончалась в 1810 г., но родовые имения ее матери, Марфы Петровны Валуевой, в Опочечком уезде (или только их часть) переходят во владение Ивана Петровича Кульнева – деревни Иванцово, Лапино, Манушкино, Бурлово, всего 136 душ крестьян. В метриках за ним они упоминаются как минимум в период с 1813 г. до 1824.

Во втором браке Иван Петрович Кульнев был женат на Олимпиаде Сергеевне (ум. 1874, Псков), урожденной Каменцовой. В метрической книге Воскресенского погоста от Кудо за 1816 г. есть запись за № 58 от 23 октября: «Селца Наволоку у генерала Ивана Петровича Кулнева с женою ево Олимпиадой Сергеевой родися дочь ей же имя наречено Марья крещена 26 дня восприемницею была полковницкая жена Прасковья Осиповна Снавидова. Требу сию совершали означенной Воскресенской цекрви священник Михаил Андреев, дьячек Никита Федоров, пономарь Андрей Михайлов (справка выписана мая 2 1839 года)».

Числясь смоленским дворянином, Иван Петрович переписывается в псковские дворяне, и его дети были записаны в книгу псковского дворянства.

Несмотря на то, что Марфа Петровна

Валуева передала селцо Наволок с деревнями во владение Ивана Кульнева, за ней остались деревни в Опочечком уезде. С 1813 г. за ней в метрических книгах упоминаются деревни, ранее принадлежавшие ее двоюродной сестре, помещице села Кротова Прасковье Васильевне Ломаковой (Хариной), скончавшейся как раз в 1813. Это деревни Глистенец, Пустыньки, Березнева, Бердина, Китова, Сорокина, Ведерниково, Пыжово. Деревня Пыжово на 1824 числится за Павлом Васильевичем Никулиным (Валуевым??? – в метриках имеются различные упоминания, описки, требует уточнения).

Наследником псковских владений Валуевых стал сын Марфы Петровны, Александр Алексеевич (ок. 1786–1839). В 1799 г. он поступил на службу рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1806 г. из-за болезни уволен в отставку в чине капитана. В 1812 г. вновь возвращается в армию, поступив майором в Московский казачий полк. Вместе с полком участвовал в походах против французских войск: был в Польше, Силезии, Саксонии, Баварии и во Франции. Имел серебряную медаль в честь вступления русской армии 19 марта 1814 г. в Париж. В 1817 г. в Париже вступил в брак с дочерью французского полковника в отставке Делярозберга – девицею Габриэлью, католичкой (в России – Мария Ивановна). После женитьбы Александр Алексеевич выходит в отставку и поселяется в с. Жеребцове Островского уезда. В 1820 г. избирается предводителем дворянства Островского уезда. В 1830-х гг. Александр Алексеевич владел 542 душами в Островском уезде, 95 душами в Опочечком уезде, 488 душами в Псковском уезде и 450 душами крепостных в С.-Петербургской губернии. Имел двух сыновей и дочь Марфу. Владельцем 817 крепостных в Островском и Опочечком уездах на 1856 г. значится его сын Алексей Александрович Валуев. Но в том же 1856 г. на все имущество Валуева указом Правительствующего Сената наложен

арест. В 1861 г. за долги было назначено в продажу с публичных торгов имение Алексея Александровича в Опочечком уезде, оцененное в 7 тысяч рублей. К 1880-м Валуевы, возможно, лишаются и своего родового имения – с. Жеребцова Островского уезда.

В 1895, 1899, 1901 гг. селцо Наволок указывается как место расположения квартиры урядника 2-го стана Глубокской и Старицкой волостей.

IV. Кротово

За Василием Прокофьевичем Меньшим в 1750-х гг. упоминаются селцо Береснево и селцо Голубово, деревни Сорокино, Веришино Воскресенской губы, Бедрина Ильинской губы, Сменово Тербенской губы.

По метрическим книгам Воскресенского погоста от Кудо под № 2 за 19 февраля 1756 г. записано: «Помещик Василий Ломаков Меньшой умре» 32 лет.

В 1756 г. в метриках проскакивает упоминание вдовы Пелагеи Авдеевой дочери Ломаковой, как владелицы деревень Сорокино и Листеницы Воскресенского погоста. Возможно, это просто описка, или она – вдова Василия Меньшого. Судя по дальнейшим данным, владения Василия Прокофьевича Меньшого в основном вошли в состав имения Василия Прокофьевича Большого. По данным о помещиках за 1756 г., Василий Прокофьевич Меньшой имел 89 ревизских душ, а Василий Прокофьевич Большой – 97 ревизских душ.

За капитаном (с 1759 пишется майором) Василием Прокофьевичем Боль-

шим в метрических книгах упоминаются селцо Кротово Старицкого погоста и деревни Бебеково, Савино, Волково, Русиново, Воропаева, Анисимова, Мазилина, деревня Слободка Кудеверского стана Пусторжевского уезда.

С 1760 г. в метриках пишется вдова Анна Федоровна Ломакова – за ней в Воскресенской, Старицкой и Ильинской губах селцо Кротово и деревни Русиново, Сорокино, Голубово, Бурлово, Бедрина, Бебекова, Сменово, Горки и др.

Согласно генеральному межеванию 1780-х гг., Анна Федоровна Ломакова с дочерьми владела: селцом Кротово и селцом Лисицыно, а по мужицкому званию деревня Голубова; деревнями Березнево, Бердиной, Дергаева деревня Вырыпаева тож, Ефремова деревня Алферова тож, Кирилова деревня Олесово Сорокино тож, Лукина, Лушки деревня Волково тож, Мазулова деревня а по крестьянскому званию Величкова, Яхновой деревни Титово (Китово?) тож; пустошами Авцыной Посадникова тож, Авсеевой Михнево тож, Гришатино а по крестьянскому Улькина, Кабылкина а по мужскому званию Коряниной, Крюкова Крюкова тож, Минина пустошь Слинцева тож, Овсяникова, Селавова пустошь Влазова тож, Савино, Тимошкина Заборовья тож, Табулина пустошь Федоркова тож, Филатовой пустоши Максимова тож, Фамушино, Хамутово, Салавцова; Отхожей пожни на реке Кутке, озерами Брыленцо, Усвеца.

Анна Федоровна Ломакова, дочь титулярного советника Федора Васильевича Бибикова, воеводского товарища Великолукской провинции (ум. в 1742). Известны ее братья:

– коллежский советник Илларион Федорович (ум. до 1802), окончивший Сухопутный шляхетский корпус, прокурор Псковской канцелярии (1764), женатый на дочери полковника гв. кирасир генерал-лейтенанта Толстого Якова Ивановича Екатерине;

– капитан гвардии Иван Федорович (ум. до 3.12.1802), в 1730 мушкетер лейб-гвардии Преображенского полка, помещик Порховского у. с-ца Островницин, женат на Ладыженской Мавре Тимофеевне.

Племянники: статский советник Илья Иванович Бибилов, помещик Новоржевского у. с-ца Молоково, известные его связи с Григорием Александро-

вичем Пушкиным; полковник Петр Иванович Бибилов (ум. п.1822), порховский помещик с. Петрова, уездный предводитель порховского дворянства, строитель церкви Архангела Михаила в Вышгороде (ныне Дедовичский район), женат на Анне Александровне Пантелеевой; статский советник Михаил Иванович (14.11.1762–10.2.1827), псковский губернский прокурор (1797), псковский вице-губернатор (1800).

После смерти мужа Анна Федоровна остается одна с целым букетом дочерей – Марией, Настасьей, Прасковьей, Натальей. Анна Федоровна знакома и общается со многими опочецкими помещиками. Так, по метрическим записям пригорода Опочки Николаевской церкви священников Саввы Гаврилова Онисима Афанасьева 1766 г. 13 июня «Селца Касткова у помещика Иакова Куделина родилась дочь Акилина восприемником был того ж селца Михаил Куделин восприемницей была селца Кратова Анна Федорова Ломакова».

Настасья Васильевна Ломакова так и умерла в девичестве. Мария Васильевна была замужем за корнетом Афросимовым, но в 1792 г. уже значилась вдовой. В метриках 1773 она указывается владелицей деревни Сменово Тербенской губы. В 1775 г. эта же деревня указывается за Петром Петровичем Афросимовым, вероятно, ее мужем. Марья Васильевна по генеральному межеванию владела деревней Пустынька Старицкой губы и совместно с сестрой Натальей Енушкевич деревней Игнатовой-Семеново Тербенской губы.

Сестра Наталья Васильевна, в замужестве Енушкевичева (Янушкевич). В метрических книгах Опочечского уезда 1790–1802 гг. за Игнатием Семеновичем Енушкевичем указываются деревни Ильинской губы Литвинова, Бедрина, Бобекова. В 1809 г. малолетний Енушкевич указывается владельцем полусельца Голубова. В 1813 деревня Бобекова числится за Николаем Енушкевичем.

Селцо Кротово с основной частью имения в 1790-х указывается за девицей Прасковьей Васильевной Ломаковой. В метрических книгах в ее владении упоминаются деревни Анисимова, Горки, Береснева, Глистенец, Ведерниково, Китово, Пустыньки, Бедрино, Сменово Тербенской губы, Слинково Каменской губы.

В 1789 г. в метриках она указывается девицей, а на 1799 г. числится женой статского советника Харина. Мужем ее, судя по чередованию упоминаний как владельца, был статский советник Харин Дорофей Тимофеевич. Служил Дорофей Тимофеевич в Полоцком губернском правлении. О нем имеются упоминания в «Записках» Леонтия Травина. При отправке сына Леонтия Автономовича, Гаврилы, на определение в службу в Литовском верховном правлении, в Полоцке Д.Т. Харин справил тому с товарищем подорожную в Минск. *«Получа от благодетеля моего помощь, Дорофея Тимофеевича Харина, советника губернского правления, то есть подорожную ехать в Минск, оттуда 24 выехали и прибыли туда 27 числа мая, в котором хотя городничим Григорьем Сергеевичем Пастуховским приняты благоприятно, но ко определению мест не обрели, то, не мешкая, и оттуда выехали в Гродню, где пребывал для открытия новых губерний князь Николай Васильевич Репнин».*

На 1801 г. Харин Дорофей Тимофеевич – 48 лет, 2-й советник Белорусской казенной палаты. Первый из сохранившихся журналов Витебского губернского присутствия открывает запись «1802 года, июля 1-го, вторник пополуночи в 8-м часу, в присутствии Витебского губернского правления прибыли господа: тайный советник, витебский губернатор и кавалер Петр Матвеевич Тарбеев, советники Дорофей Тимофеевич Харин, Иван Владимирович Ребиндерг».

Скончалась Прасковья Васильевна Харина в 1813 г. В метрической книге Старицкого погоста имеется запись за № 8 от 20 мая 1813 г.: «Селца Кратова помещица Прасковья Васильевна Харина умре натуральной болезнью с покаянием. 52 лет. Требу сию совершали священник Василий Тимофеев, диакон Иоанн Федоров, дьячек Иван Васильев».

После ее смерти в метрических книгах владельцем деревень указывается Дорофей Тимофеевич Харин, но имеются упоминания и об Анне Федоровне Ломаковой (как владелице д. Русинова). Вероятно, на 1813 г. она была еще жива.

Продолжение следует

Андрей НЕСТЕРОВ

Из личного дневника

Будни и праздники Лиды Белинской

В №№ 3–4 «Опочецкого краеведа» публиковались фрагменты дневника юной Лидии Белинской, в то время (1927–1928 гг.) школьницы, дочери опочецкого педагога и краеведа А.И. Белинского. Сегодня – новые страницы этого очень интересного документа.

25 апреля. Среда [1928 г.]

Без пяти дней месяц, как я не брала в руки дневника, но за это время столько событий очень неприятных. Первое и главное – это серьезная и тяжёлая болезнь мамы. У ней второй раз в этом году был грипп. Первый раз он прошёл довольно легко, зато второй раз отменно тяжело. У мамы оказалось очень слабое сердце, и она чувствовала себя совсем плохо.

Сердце у неё слабое по наследству от матери. Её мать страдала сердечными припадками и умерла в Риге, куда ездила лечиться, от разрыва сердца. Там после операции она совсем поправилась, а потом внезапно умерла. Маме тогда было, кажется, 16–17 лет.

Но теперь маме гораздо лучше, и завтра мы возьмём её из больницы, куда её по настоянию Ольги Ниловны отправили. У мамы очень болели руки и ноги, и теперь она только что начинает ходить. Ей придется носить шерстяные чулки и туфли без каблучков. Костиньку (маленького брата Лидии. – *Прим. ред.*) мы каждый день носили к маме, чтобы она его кормила. Он чувствовал себя всё время хорошо, хотя его прикармливали коровьим молоком. Вчера у него поднялся небольшой жарок потому, что бабушка его взяла да и вынесла на улицу, хотя он немного и кашлял. Теперь кашель усилился, но сегодня жара у него нет.

За это время все учебные дела у меня идут хорошо, и вообще в этом полугодии лучше, чем в прошлом, особенно математика. <...>

На Пасху нас распускали только на один день. Воскресенье – само собой, и ещё прибавили понедельник. Пасха прошла очень невесело. Мама была больна, и мы все за неё дрожали. Целые дни я проводила с Костинькой.

Вчера мы были в школе I ступени имени Крылова и слушали уроки, которые давали практиканты из 5-го класса нашей школы. Алтовский пастух (И.В. Владимиров. – *Прим. ред.*) на конференции по поводу этих уроков разносил практикантов в пух и прах, уперся лбом в какую-то классовую сущность и лучший, по моему мнению, урок оценил хуже всех остальных. В этом же году начнём давать практические уроки и мы. Я ужасно боюсь, чтобы не пришлось давать урок мне. Я струшу в таком случае, и урок как следует уже ни за что не дам. Страшно.

Продержали нас там до четырех часов. А в общем мне эти уроки понравились больше, чем уроки, которые в первый раз мы слушали и которые давала Лазарева жена. Она говорит совсем по-деревенски, и её преподавание мне не нравится.

Теперь мы в классе играем в лапту и «жид-жидовку» так, что у меня заболели руки. Ходим мы в классе на улицу в одних платьях. Погода стоит очень хорошая, очень тепло, и грязь вся высохла. Хочу скорей купить сандалии, а то в сапогах уже жарко и тяжело.

Из-за каплюши дорогой (маленького брата Лидии. – *Прим. ред.*) все перессорились, а особенно тётя Надя и бабушка. Все живут его жизнью. Он здоров – и все в хорошем настроении, он болен – и все пасмурны, он смеётся – и все собираются вокруг него полюбоваться его веселостью.

Читаю очень интересную книгу Сенкевича «Камо грядеши». Я её раньше уже читала, да уже забыла, и читаю второй раз с не меньшим интересом, чем если бы читала её первый раз.

В субботу нас распустят на майские каникулы, на десять дней. Будет вечер, и если у нас все будет благополучно, я потанцую. Ужасно хочется. Даст Бог, всё будет благополучно, и все будут здоровы, довольно поболели.

28 апреля. Суббота

За эти дни опять события.

Во-первых, в четверг в том доме у дедушки был обыск. Пришли на обыск неожиданно, когда дедка был в нашем доме и мы все обедали. Перерыли в том доме всё, и дедку даже раздевали и обыскивали его платье. Мы отправились в тот дом отчасти из любопытства, а отчасти за обедом. На дворе стоял солдат, и он нас в кухню пропустил, а назад с обедом не пустил, и [мы] оказались арестованными. Мы чего-то всё время хохотали, что дураки. Потом отправились на двор, и Люба (младшая сестра Лидии. – *Прим. ред.*) вылезла под подворотню ворот, идущих со двора в сад, хотя мы отговаривали её это делать, боясь, что её заподозрят, что она уносит что-нибудь в наш дом. Но она большая озорница и всё-таки убежала. Мы с Люсей продежурили на дворе довольно долго, пока нас не отпустил, по просьбе бабушки, главный заправила обыска.

**Иван Александрович
БЕЛИНСКИЙ,
дед Лидии,
священник Троицкой церкви**

У дедки, конечно, ничего не нашли: переписки он почти никакой, кроме служебной, не ведёт, и ничего у него запретного нету. Мы думаем, что де-

душку вышлют потому, что ему приказано к 5-му мая приехать в Псков, и на другой день обыска он был на допросе. Производившие обыск были сравнительно вежливы, как, конечно, могут быть вежливы представители насилия, так как, что ни говори, а обыск есть насилие. Да ведь никто и не скрывает, что наша власть ещё классовая, что государственный аппарат есть аппарат господства одного класса над другим.

Сегодня у нас было 3 урока, после чего мы (я, Лена, Нина, Зина, а из мальчишек нашего класса Карлайтис, Карповский, Кацап, Корсаков и др. ребята из других классов) ходили в лес за дерягой для украшения здания школы к 1-му мая. Проходили до трёх часов, деряги набрали ни много ни мало, а прогулялись недурно. Погода стояла великолепная, как и во все эти дни, и было очень жарко. Шурка говорила театральным тоном, как она всегда делает в присутствии мальчишек, за что она большая дура, хотя вообще девчонка она неплохая, но Нина куда лучше её. Кстати, я за Нину очень рада, ей только два предупреждения, и она обещает за каникулы подтянуться. Как я была бы рада, если бы она перешла, мы обязательно с ней вместе бы сидели. И уж тогда бы я по мере сил не дала бы ей лениться.

Мамулька дома, но она еще очень слаба, и сегодня ни с того ни с сего поднялась температура. Но я думаю, что это последние отголоски проходящей болезни, и к завтраму температура спадёт. Дай Господи, чтобы это было так. Капелька ведёт себя неплохо, хотя немного кашляет. Днём он весел, но как только придёт время кормёжки, он не терпит никаких отлагательств и поднимает невозможный гвалт. Но в общем он прелестный мальчишка.

Да вот еще. У нас большая неприязнь, которая сильно действует на маму. Тётя Надя поссорилась с бабушкой, и притом при маме. Они давно уже начинали, еще когда мама была в больнице, и должна сказать, что виновата больше тётя Надя. Не мне их судить, они старше меня, но ведь это влияет на маму, которой всякое волнение вред. Тетя Надя не привыкла сдерживаться, её жизнь сложилась так, что они с мужем жили только друг для друга и не имели детей. Папа крёстный, её муж, её очень любил и баловал, имел на это возможность, так как был довольно богат. Тетя Надя вместе

с ним побывала в Крыму, на Кавказе. Тётя Надя была избалована жизнью, и теперь ей, конечно, тяжело жить, потеряв мужа и прежнее положение красавицы (какой она была) и богатой женщины. Дай Бог, чтобы они помирились и успокоили бы этим маму, да и самим им было бы легче, ведь, я думаю, очень неприятно быть с кем-нибудь в ссоре. Ну, даст Бог, всё уладится.

Да, вот ещё, чуть не прозевала. Наш класс получил первую премию за чистоту класса. Потом, я уже раньше писала, что наш класс купил облигацию крестьянского займа, а теперь есть большой шанс на выигрыш, так как 15-го мая в Опочке будет проходить тираж этого займа, и ещё придет нарком финансов, кажется, ему фамилия Брюханов, хорошо не знаю.

1 мая. Вторник

Мамулька хотя лежит, но почти здорова. Капелька ведет себя хорошо.

С десяти часов утра я сегодня была дома, чтобы только пообедать. В десять пошла в школу, а со школой была на демонстрации. Погода целый день была хорошая. На площади выступала целая туча ораторов. Повторялось то же, что и в прошлом году и что все годы, ничего нового сказано не было. Мы, по обыкновению, на площади возились: смеялись над ораторами и т.д. Особенно смешон был некий Аристов (двоюродный бр[ат] моей одноклассницы). Он моментально охрип. Старался говорить громко и только хрипел, причем между хрипом вырывались выкрики фальцетом – ну вот точь-в-точь как у молодого петуха, который только начинает петь. Мы не могли удерживаться от смеха, за что Алт делал нам замечания. Многих ораторов совсем не было слышно, и т.д. Шурка, по обыкновению, ругалась со всеми и косолапила. Мне она наступила на ногу и оторвала хлястик сандалия.

После демонстрации почти сразу после обеда за мной пришли ребята, чтобы идти на Петровское, где должны были состояться военные игры и вообще гулянье, хотя я это слово очень не люблю.

Отправились. Военные игры были довольно интересные. Стреляли из пушек, пулеметов, устраивали дымовые (не газовые) заветы. Бегали сестры милосердия,

перевязывая мнимо раненных, и т.д.

Потом мы пошли играть в «жид-жидовку». Скоро пришли наши мальчишки: Карлос, Кацап, Карповский и Корсаков, позднее Козленков. Сначала они важно валялись неподалеку от нас, и Шурка была в восторге, но вдруг надулась на нас за то, что я не могла докинуть до неё мячик, и он попадал всё Зине, а не ей. Она решила, что я это делаю с умыслом, но даю честное слово, что это выходило совсем нечаянно и я не думала никак вредить Шуре.

Тут Карлос сказал что-то нелестное по её адресу, ну и, конечно, это и есть главная причина, почему она разревелась и не стала играть, и мы стали играть в лапту вместе с мальчишками, и было очень весело. Мы все время были на городе, а другая партия под городом, и жаль только, что Нина была не в одной со мной партии, а была в партии Кацапа, который косолап больше, чем Шура, которая всё время дулась, а по дороге домой поругалась с Леной – в особенности, и с нами – чуть-чуть.

10 мая. Четверг

Сегодня в классе не скучно. Играем в прихожей или на дворе в штандр. Сейчас педология, и Лазарь тянет жилы, и ужасно скучно. Будем сегодня собираться заниматься у Зины по геометрии, но, даст Бог, не так, как вчера у Лены, где мы гадали и из физики ничего не проработали, а только записали заглавие. Мне вышло, что я весело проживу этот год, а всё остальное ерунда, кроме того, что когда я спросила, кто самый лучший из моих друзей, то мне был ответ, что тот, на кого я и думаю, т.е. Нина, и это верно.

Просили у Карповского задачник, но у него его нету собственного, но он обещал, если сможет достать, часа на 2–3. Хорошо, если б дал, потому что завтра отвечать геометрию, а мы задач почти не решали.

Сегодня, на наше счастье, не все группы, как и мы, не кончили проходить задание по физике, и нашу группу не спросили, а группа Карповского ответила не выше среднего, а группа Козленкова, кажется, на средне или на средне с минусом. Сейчас пение – пошлеем.

*Подготовила
Марина ЯКОВЛЕВА*

Страницы истории страны

Мы были у Сталина

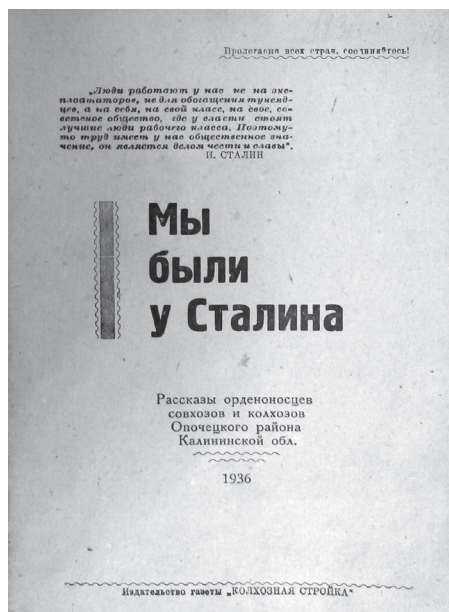
Рассказы орденосцев совхозов и колхозов Опочецкого района Калининской области.

1936 год. Издательство газеты «Колхозная стройка»

Рассказ орденоски колхоза «Урожай» Лобовского сельсовета

Жуковой Евдокии Ильиничны

Моя работа

Было это ранней весной. С апреля четвертый год пошел.

Муж, я, старшая дочка Нина, сынишка, Тоня — младшая, она тогда была совсем еще небольшая, распрощавшись с городом, поехали на новое житье.

Путь наш лежал в колхоз «Урожай» Лобовского сельсовета. Потянуло в деревню. Решено было работать в колхозе.

Приехали. Остановились в Дымове. Сказали, чтобы написали заявление о своем желании работать в колхозе. Рабочие руки нужны были. Старшая Нина написала его. На другой день было общее собрание. Стоял вопрос о приеме. Колхозники приняли нас в свои ряды. Отвели квартиру. Живи, мол, работай.

С этого и началась наша новая жизнь — колхозная.

Весна в этот год пришла рано. В марте месяце снежок задержался только в оврагах да в лесах. Поля были голые. С кормами дело обстояло

неважно. Корм был на исходе. В колхозе все чаще и чаще стали поговаривать о выгоне скота в поле.

Однажды председатель наш встретил меня и сказал:

— Жукова, завтра мы скот выгоняем в поле, а тебя ставим в пастухи. Будешь работать?

Обрадовалась я. Колхозники мне доверили ухаживать за своим стадом. Да к тому же и к месту определилась. На другой день погнались в поле. Скот колхозный пасти.

Так первый год своей жизни в колхозе и начала с пастухов. До самого снега отходила в поле. Полюбила скотину. Заботливо за ней ухаживала. Честно и добросовестно работала. Зато и заработала хорошо.

Первую колхозную зиму отжили что надо. Нужда в доме отгостила. Она ушла.

Зима прошла. Пришла вторая наша колхозная весна. В колхозе мою любовь и заботу к скоту уже заметили. И опять пришел председатель. Пришел и сказал:

— Ну, Жукова, опять тебе придется в поле ходить. Теперь ты будешь у нас старшей пастушкой.

Это лето точно так же работала хорошо. Не получила ни одного замечания. Свои обязанности старшей пастушки несла с честью.

А зимой...

Помню, в колхозе в этот вечер общее собрание назначили. Так и сказали:

— Сегодня обязательно чтобы на собрании быть всем колхозом. Разговор серьезный будет. Будем толковать о нашем животноводстве.

И правда, на собрание пришел почти весь колхоз.

Большой шум поднялся, когда наша колхозная овчарница Мария Белова возьми да и скажи:

— Сегодня у меня на овчарне еще один ягненок пал.

В эту зиму этот ягненок был двадцать пятый. Бывало, не пройдет ни одного дня без того, чтобы не вынести за двор нового ягненка.

Всполошились тут наши колхозники. Завязался спор. Начиналась ссора. Одни вступились за Марусю. Они говорили, что она здесь не виновата. Просто-напросто зима студеная. Год, значит, такой несчастливый.

Другие говорили еще проще:

— Падеж, стало быть, так и надо, не иначе, как от бога.

Спорили, спорили, а в конце концов решили, что ни студеная зима, ни бог здесь ни при чем. Виновата только Маруся Белова. Плохо, нечестно она работает, не бережет, не заботится о колхозных ягнятах. И решено было отстранить Марусю от должности. Лишить её права ухаживать и воспитывать молодняк.

Марусю сняли. Но ведь кого-то надо поставить на её место. И снова разгорелся спор. А тут наш председатель возьми и скажи:

— Нашей старшей пастушке сейчас делать нечего. Вот и пошлем её на овчарню. Пускай ухаживает. У неё есть любовь и забота о скоте.

Против никто не пошел. Согласились все. Боязно было браться за это дело, но воле колхозников перечесть не стала. На овчарню так на овчарню, подумала я. Будешь честно и добросовестно работать, будешь с любовью к делу относиться — значит, и бояться не надо. И работать будет хорошо, и работой твоей каждый доволен будет.

Подумала я и пошла. Так, значит, надо.

Пришла на ферму. Посмотрела. Грязь, теснота, холодно. По спине мурашки забегали. Особенно на маленьких ягнят жалко смотреть было. Не сладко им жилось там. Оно и видно. Ведь навряд ли кто от хорошей жизни умирать станет, а тут что ни день, то один, а другой раз – и два.

Вот тут-то я поняла, что не всякий это человек за скотиной ухаживать может. Надо, прежде всего, полюбить это дело. Овладеть надо, как говорят, его техникой. Надо знать все особенности и привычки каждого животного в отдельности.

Правы были наши колхозники, когда они говорили на собрании, что Маруся Белова плохо работает, небросовестно относится к делу. Ничего больше и не оставалось, как только взять и лишить её права ухаживать и воспитывать колхозный молодняк. Так и надо было сделать. Скотина ведь не виновата.

Овец на ферме в ту пору насчитывалось сорок штук. Двадцать пять маток и пятнадцать ягнят. Квартировали они в Дымове.

Пришла я работать на ферму в то время, когда подходило время окота – самая важная и ответственная кампания в овцеводстве. Тут все дело зависит от подготовки: хорошо сумеешь подготовиться – хорошо и проведешь его. Плохо подготовишься – стало быть, пеняй на себя. Плохо и проведешь его. Тут все время надо быть начеку. Глядеть, как говорят, в оба, не промахнуться. А пуще всего – это в грязь лицом ударить не хотелось. Доверие колхозное оправдать. Крепко сидела в голове эта мысль.

Кормила я суягных маток в установленное время. Кормила их три раза в сутки. Слабых и худых маток я выделяла в особую группу и давала им лучший корм. Но вместе с тем смотрела и за тем, чтобы мои матки не ожирели бы, так как ожиревшие дают слабых и мелких ягнят.

Особо тщательно я берегла своих питомцев при выгоне и загоне их обротно в хлев. Следила за тем, чтобы в дверях не было давки, чтобы в хлеву было бы всегда чисто. Около кормушек не было бы скользко и т.д.

За месяц до начала окота остригла шерсть у маток. Остригла около хвоста и на ногах вокруг вымени. Ведь вымя маток зарастает шерстью и яг-

ненок, не найдя сосок, вынужден будет сосать грязную шерсть – отсюда всевозможные заболевания. А стало быть, и падеж.

Пришел окот. Настала страдная пора.

Со временем считаться не приходилось. Что день, что ночь – для меня разницы не было. Все одно. Работала не за страх, а за совесть.

Е.И. ЖУКОВА

Иначе не могло и быть. Помню, в моей работе были такие случаи. Матка ягнилась. Ягненок вышел что надо. Живой, веселенький такой. Ну, прямо, что игрушка. Пройдет минута, другая, смотришь, матка еще одного принесла. Появился на свет и лежит совсем как мертвый. Посмотришь, а он в чем-то завернутый, словно в рубашку одет. Тут возьмешь такую палочку. Она у меня специально для этого сделана. Этой палочкой прорвешь рубашку, и ягненок ножками зашевелит, да скорей к матке – сосать её. Тоже такой же хорошенький, как игрушка.

А ежели меня, да в это время, не было бы на ферме, то значит, этот ягненок тут и смерть свою бы нашел. Вот поэтому-то я и стараюсь безотлучно дежурить на ферме.

Теперь еще дальше. Правда, если ягненок у матери идет хорошо и легко, то ей помощи оказывать не надо. Даже эта ненужная помощь принесет только один вред. Но если видишь, что ягненок проходит тяжело и неправильно, если матка мучается, то уже в этом случае твоя помощь ей необходима. Без неё матка обойтись не может.

Новорожденного ягненка матка должна обязательно облизать. И если её это не заставит сделать, то тогда следует взять немного чистой соломы или сена (сено должно быть мягкое) и обтереть его насухо. Рот и нос надо обтереть от слизи.

Кончался окот. Падежа не было. Однако оставлять ягнят в хлеву опасно было, холодный он, Белова не позаботилась даже о том, чтобы утеплить его. Ягнятки там могли бы замерзнуть. Морозы ударили сильные. Надо искать выход.

Пришла мне в голову однажды мысль перевести слабых ягнят к себе, на квартиру. У меня и тепло и сподручней ухаживать будет. Все время на глазах. Тут же под рукой.

Дома спорить не стали. А младшая Тоня от радости не знала, что и делать. Очень она ягнят маленьких любила. Муж помог оборудовать угол. На другой день въехали новые «постояльцы» и заселили угол. Пятнадцать штук к себе на жительство перевела.

Всю зиму с ребятами так в «нянях» и проходили. Слово от больного или малого дитяти, не отходили от своих новых «квартирантов». Так уже и заведено было. Ночью ли, днем ли, а раз о себе дают знать, значит, надо идти кормить – есть просят. Кормила их молоком. Следила за тем, чтобы молоко всегда было свежее. Кислым ни в коем случае поить нельзя. От кислого молока получается понос, который губительно отражается на здоровье ягнят.

Кипятить молоко не следует. Теряется питательность. Сырым тоже нельзя поить. А поить надо либо парным, либо теплым. Примерно такой же теплоты, как оно бывает в вымени маток.

Бывало, возьмешь бутылку. Нальешь её, закроешь и опустишь в теплую воду. Там эту бутылку держишь минут тридцать. Потом вынешь и охладишь до температуры парного молока. Когда кормить придет время, наполнишь им соску и даешь каждому ягненку сосать. Так и кормили. Слово малюток каких. Соску сосать давали. А когда подросли они малость, то из тазика стала поить.

Ягнятки росли. Веселые, здоровенькие такие. Прямо душа радовалась на них смотреть. Стужа прошла. В воздухе пахло весной, солнышко все

больше и больше грело землю. Появились проталины. К этому времени я на овчарне порядок навела. Прежде всего, законопатила паклей все щели. Прорубила окна. Вставила стекла. Следила за тем, чтобы там было бы чисто, тепло и светло. Установили желоба. А когда все было готово, взяла и перевела своих квартирантов на новое местожительство. Отвела им новую квартиру.

Тридцать маток принесли шестидесят шесть ягнят. Все они – шестидесят шесть – оказались здоровыми. Отблагодарили меня и овцы. Ведь с каждой из них я настригла по 3,5 кг шерсти.

С тех пор больше уже не выносили за двор ни одного ягненка. Падеж прекратился. С тех пор больше уже в колхозе никто не говорил ни о студеной зиме, ни о приметах года, ни о боге.

Факт был налицо.

Февраль нынче стоял студеный. В этот памятный день метель началась еще с утра. Ветер вперемешку с сухим снегом, словно плетью, хлестал в лицо. Дымовские постройки потонули в сугробах. К вечеру показалось солнышко. Прояснило малость. Зато крепчал мороз.

Как сейчас помню эту вьюжную февральскую ночь. Улеглись спать. Не успели еще даже как следует и уснуть, раздался стук в окно. Неужели, думаю, на овчарне что случилось. За мной прибежали. Поспешила открыть. Однако ошиблась. В дверях стоял товарищ Шутов, председатель нашего сельского совета.

– За тобой, Жукова, приехал. Поручили мне тебя в Есенники к московскому поезду доставить.

– Зачем? Куда?

– В Москву. К Сталину поедешь.

Прыгнуло у меня сердце. Растерялась. Не знаю, что сказать. Не успела еще опомниться, как председатель наш пришел. Он уже это знал. Денег принес на дорогу. Прознали и соседи. Тоже пришли. Сборы короткие. Сели, поехали.

В Есенниках Шутов сдал меня на руки товарищу Михайлову, с ним я и поехала.

Поезд шел все быстрее. Перед глазами мелькали города, станции, полустанки. Все терялось в памяти.

Утром проводник сказал, что теперь

скоро и сердце страны – красная столица.

Поезд остановился. Последняя остановка. Приехали.

Вот и Москва. Встретили нас как долгожданных гостей. Окружили такой любовью и заботой, что и сказать нельзя. Пешком ходить не давали. Все в автомобилях возили. Показали нам Москву во всей её красе. Были в кино, ходили по театрам. Были на фабриках и заводах. Смотрели, как шелк делают. И даже по подземной железной дороге катались.

Сели мы это в вагон. Поехали. Рядом со мной села Никифорова, колхозница из Куньинского района, та, которую орденом Ленина наградили. Старенькая она уже. Сидит, боится это под землей ехать. Думает, что задавит, а я её успокаиваю. Да, по правде говоря, и самой немного страшновато было. Ведь едем под землей. Но даже не веришь. Сидишь, едешь, кругом светло, чисто, все блестит, прямо что на земле. Хорошо.

Пришел и памятный день. Это тринадцатого февраля. Утром выдали пропуска, а к 6 часам вечера опять на машине прямо к Кремлевским воротам подвезли. Совещание с руководителями партии и правительства в Кремле было назначено. Шесть часов. Сидим. Ждем. Народу много. И народ все разный. Со всего Советского Союза съехались сюда лучшие люди – передовики социалистического животноводства. Тут и заведующие фермами и доярки. Тут и телятницы, свиари и чабаны. Тут и ученые. Прошло минут двадцать. Вдруг слышу:

– Сталин.

Что было дальше, только помню одно. Сколько было народу, все как один поднялись со своих мест, захлопали в ладоши. На разных языках раздались могучие, горячие приветствия: «Ура!», «Да здравствует вождь народа родной Сталин!». Вместе с другими аплодировала, кричала и я. Хотелось и мне вместе с другими сказать:

– Спасибо тебе, родной Иосиф Виссарионович, за радостную, светлую жизнь колхозную. Спасибо тебе за отцовскую заботу о нас и наших детях. Спасибо тебе за все, за все.

А он, окруженный своими верными соратниками, стоит и улыбается. И тоже хлопает в ладоши. Мы ему, а он нам. Так все просто.

Совещание было четыре дня. За эти дни много народу рассказали о своей работе, о том, как они выполняют Сталинский наказ о подъеме животноводства.

Говорили на совещании и об овцах. Особенно запомнился мне разговор чабана одного. Забыла, как его зовут, только знаю, что он из Узбекистана. Тридцать лет на этом деле работает. Мастер хороший. Не беда, что старый уже. В прошлом году он от 120 маток получил приплод в 1500 ягнят, и всех как одного сохранил и вырастил.

Вот это работа.

Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с гостеприимной столицей, нас опять пригласили в Кремль. Пригласил Михаил Иванович Калинин. В этот день калининские делегаты получали высшую награду – ордена.

Встали друг за дружкой. Вроде как в очереди стоим. По одному и подходим. Дошла очередь и до меня. Стою. Молчу. Все равно что язык отнялся. Улыбнулся Михаил Иванович. Взял в руку маленький ножичек, проколол на кофте дырочку и прицепил к груди орден Трудового Красного Знамени. И тут же в руки коробочку синюю подал с документами.

– На, Жукова, носи. Смотри, береги этот «красенький цветочек». Работай еще лучше, – говорит Михаил Иванович, а сам глядит из-под очков, да так радостно-радостно улыбается.

Отошла от него. Смотрю, Сталин близко-близко. Вот как мы сейчас с вами разговариваем. Протянул мне руку, поздравил с высокой наградой.

Дальше трудно рассказывать. Слов не хватает. В эти самые счастливые, незабываемые минуты из всей своей сорокасемилетней жизни я готова обнять и крепко-крепко прижать к груди нашу родную, самую счастливую в мире Советскую землю. И ни одного вершка этой земли никому и никогда не отдадим. Наша она. На счастливой земле живет и работает, будет жить и работать под руководством великого и мудрого рулевого страны Советов – Сталина счастливый народ.

Подготовил

Александр КОНДРАТЕНЯ

■ Книги об Опочке

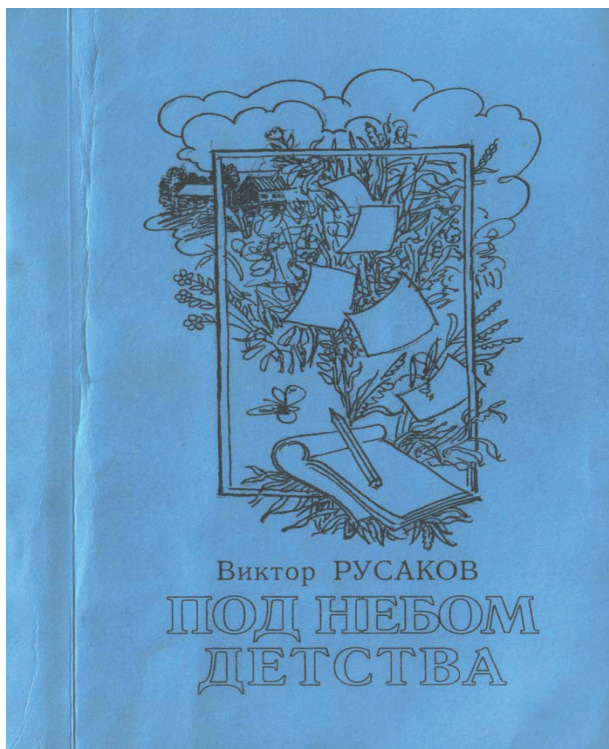
Историограф пушкинского рода – о родном крае

На первой половине этого номера «Опочецкого краеведа» опубликован небольшой материал об опочанине, исследователе, писателе-пушкиноведе Викторе Михайловиче Русакове (1927–2011). Он писал не только труды о потомках великого поэта. Из-под его пера вышли и другие книги, автобиографического плана, которые так или иначе повествуют о жизни в Опочке и Опочечком районе.

В этой публикации хотелось бы остановиться на двух из них – автобиографической повести «Под небом детства» (2-е издание – 2007 г., Псков: ПОИПКРО) и маленькой книжечке «Бывают странные сближения». Воспоминания о последнем годе войны (1944–1945)» (Псков: ПОИПКРО, 2003).

Повесть «Под небом детства» рассказывает, как явствует из её названия, о родной семье и детстве автора, проведенном в маленькой опочечкой деревушке Авдеево (в 2020 г. это территория Глубоковской волости). Русаков детально описывает местность, где лежала исчезнувшая ныне деревенька, приводит местные предания – в том числе о последнем владельце Высокого Петре Александровиче Яновиче (1885–1937), пишет об остатках этого имения и заброшенном парке и т.д.

Одна из легенд, пересказанная Русаковым, кстати, повествует о том, что на кладбище в д. Тарасово (Тарасова Гора) был похоронен не кто иной, как... Тарас Бульба. То есть к 1930-м гг. местные жители уже прочно забыли, что в Тарасове находилась могила графа Якова Карловича Сиверса (1818–1865), опочецкого уездного предводителя дворянства (1859–1864). Красивый памятник над склепом, между прочим, был цел до самой Октябрьской революции. К 1930-м гг. со времени разорения мо-

гилы графа прошло всего лет пятнадцать, и это в очередной раз красноречиво говорит о том, как коротка людская память, не подкрепленная письменными свидетельствами.

Немало места в повести отведено воспоминаниям о родном доме Русакова – старенькой избе, в которой по утрам ходили густые клубы дыма из неисправной русской печи; о занятиях родителей-крестьян и крестьянских детей, о буднях и праздниках, о посещении ярмарок и гуляний и многом другом.

Произведения местных авторов особо ценны тем, что часто содержат этнографический материал – диалектные слова, описания своеобразных обычаев. Не исключение в этом отношении и повесть Русакова. Например, она даёт представление о том, как легко в опочечкой глубинке возникали – и исчезали – фамилии. Ему самому, записанному в метрике Русаковым, заведующая Подлипской начальной школой Пелагея Алексеевна Минчёнкова присвоила фамилию по имени отца (такова была местная традиция), и значился он в школе Михайловым до окончания им 4-го класса.

В 1941–1944 гг. автор пережил в родном Авдееве немецко-фашистскую оккупацию. О событиях военного времени рассказывают главы «И оккупантов можно обмануть...», «Как старый немец спас нас», «Федька Хай и Николай Москвич» и др.

Завершая повесть, автор пишет:

«Радостно сознавать, что сквозь разного рода невзгоды <...> и сейчас пробиваются, точно здоровые ростки озими, светлые воспоминания о первых земных радостях и первых открытиях мира».

Вторая книжечка – «Бывают странные сближения». Воспоминания о последнем годе войны (1944–1945)» – это продолжение первой повести. Окончание оккупации, поездка на восстановление разрушенных войной Великих Лук, бегство от голода и холода с этих работ, непродолжительное бригадирство в местном колхозе, а затем – мобилизация и военная подготовка в Гороховецком лагере, о котором автор пишет так: «Гороховецкий лагерь вспоминаю иногда как дурной сон».

Воевать Русакову уже не пришлось. Завершается повествование сообщением командира взвода Булгакова об окончании войны: «Вставайте, ребята! Война кончилась...»

Думается, что эти две книги В.М. Русакова будут интересны всем, изучающим историю своего края.

Марина ЯКОВАЛЕВА

Природа родной земли

Дятлы. Большой пёстрый, зелёный, трёхпалый, белоспинный...

Дятлы, как известно, не делают секрета из своего пребывания в лесах и парках. Стук их клювов по дереву – в поисках пищи или в брачный период – разносится очень далеко. А поскольку это большей частью птицы не мелкие, то и заметить дятла на сосне или другом дереве несложно.

Самый обычный в наших местах дятел – большой пёстрый (фото от 7 мая 2009 г.). У самца на затылке – красные перья. Ярко-красное и подхвостье (птица «в красных штанишках»). Самка отличается тем, что у неё на голове красного нет.

Ещё один крупный дятел, обитающий в наших местах, – белоспинный. Как ясно из названия, у него нижняя часть спины – белая, подхвостье – розоватое.

У самца белоспинного дятла – большая красная шапочка (у самки – чёрная). В Опочке я встречала белоспинных дятлов на городском валу.

Даже на городских улицах у нас можно увидеть самого мелкого дятла, он чуть крупнее воробья, – малого пёстрого. Но красная шапочка у самца большая, захватывает всю голову. Самочку малого пёстрого дятла, очень отличающуюся от самца по окраске, искавшую пищу на стеблях сухого бурьяна, я сфотографировала 14 января 2010 г. возле Покровского кладбища (на снимке). На деревьях, растущих там же, часто мелькают красношапочные самцы этой птицы.

Трёхпалый дятел в Опочечком районе встречается, как утверждают специалисты, нечасто. Тем не менее, отправившись 27 июля 2008 г. в лес по дороге на Варыгино с целью заснять большого пёстрого дятла, я встретила там именно трёхпалого. Оперение у него темнее, чем у большого пёстрого и белоспинного, и шапочка на голове у самцов – жёлтая. Птица в сосняке обследо-

вала в поисках корма упавшее дерево, а потом перелетела на высокий пенёк.

Именно эта фотография привлекла внимание орнитолога Национального парка «Себежский» С.А. Фетисова, посетившего фотовыставку в Опочечкой районной библиотеке им. А.С. Пушкина. Он и сообщил мне о том, что данная находка на территории нашего района очень интересна с научной точки зрения – в силу редкости у нас трёхпалого дятла.

Самой мне не посчастливилось увидеть в наших местах зеленого дятла, внесенного в Красные книги наших соседей – Ленинградской области и Республики Беларусь. Но о его появлении в Крулихине мне рассказал житель этой деревни, писатель Г.А. Гореловский. Однажды утром, зимой, он услышал громкий стук со стороны своей пасеки. Подойдя к ульям, увидел, что стенку одного из них долбит – только щепки летят! – зеленый дятел в красной шапочке. Птица, естественно, намеревалась закусить пчёлами, шум которых уловила за стенкой улья. Прогнать неприятного гостя, по словам Георгия Александровича, удалось не сразу.

Мне пока ещё не случалось слышать о том, чтобы подобные налёты на пасеки устраивали другие наши дятлы, хотя все они питаются большей частью насекомыми, отыскивая их под корой, в трухлявой древесине и т.д. Среди этих насекомых – много вредителей леса и сада, так что дятлы, как всем нам известно ещё со школьных времён, приносят людям большую пользу.

Зимой, и это тоже не секрет, большой пёстрый дятел разнообразит своё меню семенами ели и сосны: в наших лесах достаточно часто у подножия деревьев встречаются отходы его «кузниц» – кучки расклеванных шишек. Кроме того, дятлы не обходят вниманием кормушки для птиц, которые вывешивают зимой добросердечные опочане. Особо их привлекает, как и больших синиц и синиц-лазоревок, несолёное сало. Как раз у такой кормушки, устроенной участницей клуба «Отчий дом» Л.В. Гавриловой у своего кухонного окна (ул. Садовая), я наблюдала самку большого пёстрого дятла.

Марина ЯКОВЛЕВА

Редактор М.С. Яковлева

